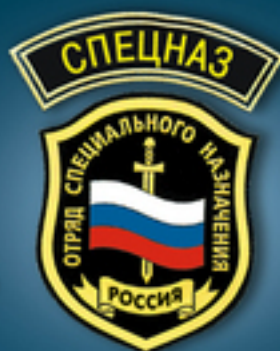


СЕРГЕЙ
Зверев

**Здесь
стреляют
только в спину**



ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК
БАСТИОН



МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Бастион

Сергей Зверев

Здесь стреляют только в спину

«Научная книга»

Зверев С. И.

Здесь стреляют только в спину / С. И. Зверев — «Научная книга», — (Бастион)

В глухой тайге разбился самолет. На его борту находился какой-то ценный груз, но что именно – знают лишь единицы. Известно только, что груз связан с новым секретным месторождением металлов платиновой группы. На место катастрофы снаряжается поисковая группа, в число которой входят сотрудники МЧС врач Дарья Погодина и спецназовец Борис Липкин. Кто остальные – неясно. Едва начавшись, поисковая операция рискует завершиться полным провалом – при невыясненных обстоятельствах один за другим начинают погибать спасатели...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Зверев

Здесь стреляют только в спину

*И пусть поднялись обелиски
Над людьми, погибшими в пути.
Всё далекое ты сделай близким,
Чтоб опять к далекому идти!*

М. Светлов

*Сибирь – не что иное, как Россия в квадрате.
А. де Кюстин«
Россия в 1839 году»*

ПРОЛОГ

Июль, 2002 год

В затрапезной гостинице на окраине Тикси к вечеру 12 июля были зарегистрированы всего четыре постояльца. На первом этаже проживал тучный бухгалтер из Склада, на втором – три иркутских геолога. В среду они прилетели с Новосибирских островов, утром ожидали борт, но рейс отменили, и пришлось пьянствовать. Без особого энтузиазма, но, как говорится, надо. В родном Иркутске под присмотром жен и тещ особо не разгуляешься. Двухкомнатный номер напоминал казарму. Голые стены, кровати с несвежим бельем, сваленные грудой рюкзаки. На столе – нехитрая снедь.

Бутылку уже усидели.

– Продешевили, – мрачно поведал долговязый бородач, распечатывая вторую. – По три штуки баксов за редкую находку... Ну, не знаю, мужики. Бакс, он, конечно, вещь, но всего по три штуки... На бедность разве что.

– Зато ноги унесли, – сказал худой и угловатый. – Я доволен. Забудем про платину. Девять тонн «зелени» за месяц работы – приличный навар, не жадничай. Доживем до утра, и гуд бай, моя черешня. С долгами рассчитаюсь, Соньку под мышку – и на курорты Краснодарского края. Я ей Дагомыс уже четыре года обещаю...

Бородач невесело хохотнул.

– Ну, ты развеселил! С женой на курорт... Васёк, ты в Тулу со своим самоваром не пробовал?

Третий, приземистый и в годах, помалкивал. Он сильно нервничал. Два дня назад на геологическую партию наехали серьезные люди. Подошли прямо на пристани, под разгрузку. «Девять тонн, и молчок, – предложил хмурый усач с манерами гэбиста. – Вы искали хромистый железняк – вы его нашли. На острове Надежды. Там его – горы. Остальное забудьте. Нам – материалы, вам – девять тысяч, подписка о неразглашении и самолет в субботу. И никакой болтовни». Не та эпоха, чтобы грудью на амбразуру. За открытый пласт им светила благодарность и квартальная премия в несколько тысяч «крепнущих» российских рублей. Несерьезно. А позавчера появились еще одни «клиенты» – серьезные и богатые. Сотоварищи как раз за пивом ушли – в буфет, там «Сибирскую легенду» завезли. «Двадцать тысяч, – сказали серьезные, – к пятнице подготовить материалы». Тут и понял Листвянский, что продешевил. Как последнего лоха обули! Пришлось вести двойную игру. Даже тройную: коллеги о последнем визите оставались в приятном неведении. Технических проблем он не видел: богатые и серьезные образцов пород не требовали, а документацию Листвянский всегда хранил в двойном экземпляре. На всякий случай. Чемоданчик для усатого он отдал наемдни вечером, за папкой с копиями

прибудут сегодня ночью (он должен вынести в коридор), а тут коллеги пьянку закатали. Да еще и проституток заказали – можно подумать, сутки не протянут до встречи с законными...

Выпили еще – за жен, за удачу, за секс в работе.

– Ладно, – хлопнул стаканом по столу худой, – не в бабках счастье. – Потянулся к банке, ковырнул сморщенный овощ. – Скоро девчата придут. Оттянемся напоследок, и на крыло.

– Без меня, – пробормотал Листвянский, – спать пойду. Поздно уже.

– Лучше поздно, чем ни с кем, – резонно заметил высокий. – Уймись, Иваныч. Давай стаканюгу...

В дверь постучали.

– Опаньки, – подскочил угловатый. – А халдей не промах. Где тут наши бабоньки сомнительного поведения?

В номер ввинтились две девицы. В принципе нестарые. Якутка и белобрысая. У первой было мало волос, у второй они не вполне естественно кудрявились, из губ торчала сигарета, а на коленке красовался фиолетовый рубец.

– Холостякуем, мальчики? – Якутка хихикнула, но как-то натянуто.

– А болоночка ничего, симпатюристая, – определил угловатый. – Чур, моя, Серега. А тебе японочка – справедливо?

– Да мне столько не выпить, – скис сидящий за столом долговязый. – Или за добавкой в буфет сбегает?

– Удачи, мужики, – поднялся Листвянский. – Всем совет да любовь. Я на боковую. Вы с ними того... не засиживайтесь.

И тут все разом сменилось. Отпихнув якутку, в номер ворвались посторонние. «По-честному» – трое на трое. Угловатый и бровью не успел повести – получил выкидухой в «солнышко». Умер не сразу – ползал в ногах у курчавой, давился кровью. Листвянского толкнули к окну, он упал на подоконник, в сохлый кактус – а встать уже не мог: из горла торчала рукоятка. Высокий схватил пол-литра, подпрыгнул. Рывком перевернул стол – налетчик со шрамом на носу протаранил столешницу. Высокий махнул бутылкой, как шашкой, – хрустнуло стекло или череп... Рябой захрипел, выпучил глаза, но дружки уже летели, выставив ножи. Парень пытался защищаться, закрывался руками, но пропускал удары по корпусу, кричал от боли. Обливаясь кровью, упал на колени, опрокинулся навзничь. Озверевшие налетчики били ножами – смачно, с удовольствием, входя в раж.

– Хорош... – прохрипел рябой, держась за голову. – Ищите бабки и бумаги...

– Мы пойдем? – нервно дергая губой, спросила якутка.

– Стоять, – процедил рябой. – И молчи, мочалка.

– Валет, имей совесть, – надула губы блондинка. – Вы поймали нас на лестнице, прикрыть просили – мол, с парнями потереть надо. Вы потеряли? Сам сказал – войдем, и свободны. Ну, в натуре, Валет, мы пойдем?

Блондинка покосилась на дверь. Рябой перехватил ее взгляд, заступил дорогу. Разбитая голова не мешала: он схватил ее за руку. От рывка девица развернулась – взвизгнуть не успела, он зажал ей рот и ввел в спину нож. Плавно, точно шприц. Блондинка замычала – рябой провернул лезвие. Вынул, опустил обмякшее тело.

– Какого хрена возитесь? Гаси Марьянку...

Якутка уже трепыхалась в татуированных лапах. Молодой отморозок с угрями на роже полоснул лезвием. Ударил фонтан – подельник едва успел отпрыгнуть.

Рябой потрогал разбитую голову.

– Ну, чего вылупились, ишаки? Искать, я сказал!..

* * *

Крепкий, уверенный в себе мужчина с усами щеточкой протянул руку.

– Всё забрали?

Рябой ощерился, демонстрируя нехватку зубов. Отдал невзрачную папку с тощими завязками.

– Всё путем, командир. У них бумажки отдельно лежали – вот в этой фигне, поверх барахла. Как договаривались – баксы нам, макулатуру вам.

– С проститутками проблем не будет?

– Не, начальник, не будет, – заржал угреватый.

– Ты только вот чё, командир, – вспомнил рябой, – с этими жмурами двое тутошних бичей ездили. За копейки их наняли. Ну, лопаты там таскать, рюкзаки с харчами, в грязи ковыряться. Они сейчас в теплотрассе сидят в центре, копейки пропивают. Архар и Кунявый. Если хочешь, можем и их. За отдельную, так сказать, плату...

– О бичах позаботятся, – нахмурился усатый. – Спасибо. Вы свою работу сделали, мужики.

Он бросил папку на заднее сиденье «Гелендвагена», мельком осмотрелся. Два часа ночи. Дорога пуста. В ближайших домах за оврагом окна завешаны газетами – «июльскими штормами» (попробуй поспи, когда ночь напролет светит солнце).

– Ну, как знаешь, командир, – пожал плечами рябой. – Мое дело предложить. Бывай, не кашляй.

– До встречи, – кивнул усач.

Пистолет с глушителем возник в руке, как голубь из котелка факира. Интересный способ прощаться. Рябой продолжал тупо скалиться, когда пуля пробила сердце. Двое других бросились врассыпную – угреватый, визжа, прочь, татуированный – на усача. Вторая пуля сбила его с ног, две другие успокоили. Из джипа прозвучали несколько хлопков. Угреватый мешковато завалился в траву, откатился, подмяв куст.

– Убедись, – бросил усач.

Человек вышел из машины. Осмотрелся, зашагал к неподвижному телу. Дважды выстрелил в голову.

– И этих, – зевнул усач, садясь в машину. Глупо, но правила писаны кровью. Бывает, и мертвецы пробуждаются.

* * *

Баргузин – Лорду:

Горячий информатор сообщает: результаты исследований подтверждают Клондайк. Ожидается вывоз материалов на материк. Пункт отправки – аэропорт Тикси. Пункт назначения – Мирный. Местонахождение Клондайка неизвестно.

Лорд – Баргузину:

Сообщите условия высылки материалов. Есть ли возможность проникнуть на борт?

Север – Стерегущему:

Группа Листвянского ликвидирована. В пригороде Тикси найден труп Жидкова. Есть опасения, что он выдал информацию – на теле следы пыток. Предлагаю форсировать пересылку материалов.

Стерегищий – Северу:

Пересылку разрешаю. Соблюсти все меры предосторожности. Удвоить охрану. Материалы ожидаю лично – в Мирном. Удачи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июль, 2002 год

Где-то между Приленским плато и Центрально-Якутской равниной

Я не феминистка. Не умею, не хочу и никогда не буду. Надоело ежедневно любоваться «полосой спецназа», венчаемой голой скалой (не говоря уж о попытках ее преодолеть).

Однако приходится это делать – вид в окне незыблем.

«Райское» местечко – тренировочный лагерь спецназа МЧС. Три жилые пятиэтажки, клуб, санчасть, материальный склад. Рычащий аэродром, спортивный городок, чуть поодаль – госпиталь. Упомянутая полоса как часть учебной базы. За сопками – стрельбище, за стрельбищем – «дорога в ад» – лабиринт в пещерах, наводящий панику на курсантов-новичков.

И я, за каким-то фигом зависшая между двух сопок. Круглая сирота, «недоучка» из медицинского, жена инструктора по выживанию, сосланного в Якутию...

Когда-то это место называлось воинской частью, но с тех пор утекло почти полтора десятилетия. Армию били и унижали. От важного звена в цепи ракетных войск стратегического назначения остался лишь свинарник (местные якуты после ухода военных взяли на прокорм недорезанных чушек, сотворив тем самым небольшое продовольственное чудо). Вокруг этого жизненно важного подразделения и начал возводиться летом 1999 года учебный центр уважаемого министерства. Якутов прогнали, строения отремонтировали, завезли контингент. Говорят, на «параде» побывал лично Сергей Кужугетович, одобрил начинание и пообещал помочь. А может, и не было здесь никакого министра – так, красивая легенда.

Вода в этот день отсутствовала – меняли трубы в подвале. Я занималась сухой чистой посуды, когда в дверь влетел Борька Липкин, инструктор из третьего отряда. С утра он, кажется, хвастал, что выбил выходной.

– Рахманова не было? – выпалил Борька.

– И тебя бы не было, – невозмутимо ответствовала я, – да вот явился.

– Понял, – сообразил Борька, – спасибо. – И смылся.

Не успела я поменять тарелку, как он возник вторично. Черные очки на идеальном римском носу озадаченно блеснули.

– А чего это ты делаешь?

– Посуду мою, – объяснила я, обдирая ножом последнюю алюминиевую плоску. – Больным шевелиться нельзя, они заразные.

– Понял, – неуверенно повторил Борька. – Хотя и не совсем... – Потом помялся и добавил: – У меня такое ощущение, Даша, что будут проблемы. Самолет под Ханангой навернулся.

И снова убежал. Я устало посмотрела в окно. Пейзаж за рамой надоел до чертиков: макет подорванного дома и фигурки в камуфляже, ползущие по веревкам. Посуда кончилась. Задрапировав «бытовой» уголок, я вернулась к изучению труда Бориса Акунина «Статский советник» (наша библиотека пополняется раз в пятилетку). Времени – вагон. Двое больных, находящихся под моим патронажем, спали в палате. Одного из них я должна была уколоть через два часа, другого – после ужина (на мой непросвещенный взгляд, курсант Анищенко просто симулировал пищевое отравление, чтобы увильнуть от тактических занятий).

Культурная жизнь на этой «зоне» разнообразием не отличалась. Пойти – некуда. В клубе в тридцатый раз – «Тридцатого уничтожить». В магазине – всего битком, но для кого стараться? До ближайшего города – шестьсот миль. Друзей – ни одного. Круг общения – пять особ из числа жен инструкторского состава, и тема разговоров в этом месяце одна – как супруга инструктора Гречкина переспала с зампотехом Кравченко, а Гречкин в порядке вендетты переспал с поварихой. Соседи неразговорчивы. Собаки запрещены. Любовника не нашла. Муж до полуночи бегаёт по сопкам, выживать там кого-то учит...

От изящного слога Бориса Акунина меня отвлекли громкие звуки. Кто-то проскакал по коридору. Потом вернулся, грозно кашлянул и распахнул дверь. Переспелая мадам Зоя Мартыновна Калистратова, тяжелая во всех отношениях, – делопроизводительница при директоре учебного центра Рахманове.

– Липкин был? – грозно спросила она, прижимая к персям коленкорovou папочку.

Я удивленно подняла голову.

– А разве он болен?

– Но ведь где-то он должен быть, – с убийственной логикой ответствовала Зоя Мартыновна и побежала дальше.

Я закрыла глаза. Исходя из замкнутости круга, следующим должен появиться сам Рахманов и спросить, не видела ли я Зою Мартыновну, а то ему надо срочно отпечатать донесение в центр, а самому это делать не позволяет положение.

Через плац в гробовом молчании протопала колонна курсантов. Каждый день в одно и то же время колонна возвращалась с тактических занятий, а я, как классическая русская баба, их жалела. В курсанты набирали добровольцев, отслуживших срочную. Обучение – год, опрятные казармы, отпуск. Выжимали из них все соки...

Как в воду глядела. Дверь в санчасть в третий раз заскрипела, и в проеме образовался Игорь Евгеньевич Рахманов, Герой России, заслуженный работник МЧС и глава учебного центра. Мужественный, харизматический мужчина.

– Ой, – сказала я, – здравствуйте. Вы ищете Зою Мартыновну? Она была пять минут назад, спрашивала Липкина. А Липкин был до этого, спрашивал вас...

– Дарья Михайловна, зайдите ко мне через десять минут, – сухо распорядился Рахманов. – И переоденьтесь, пожалуйста.

Дверь захлопнулась. Кошки заскребли на душе.

* * *

Помимо Рахманова, в кабинете находились ухмыляющийся Борька Липкин и каменная Зоя Мартыновна.

– Где ваш муж, Дарья Михайловна? – спросил Рахманов, пристально глядя мимо меня. Я пожала плечами.

– На работе. А что?

Игорь Евгеньевич досадливо щелкнул пальцами.

– Ч-черт... Дождь обещают к ночи...

И замолчал, созерцая условное яблоко на моей макушке.

– Самолет упал под Ханангой, – объяснил Липкин, – час назад сообщили.

– Пятьдесят две минуты назад, – поправила Зоя Мартыновна.

– А поточнее? – сказала я.

– А куда уж точнее? – покосилась каменным глазом делопроизводительница.

– Будем надеяться, не теракт, – скрипнул Рахманов, – разве что тунгус из двустволки...

Словом, история туманная, Дарья Михайловна. Похоже, рейс был тупо засекречен. А значит, нас решили посадить в дерьмо...

Ничего удивительного. Любое утаивание информации от собственной персоны Игорь Евгеньевич расценивал как заговор против государства. Но при чем здесь я?

– Чартер вел диспетчер из Мирного. Там и планировалась посадка, – продолжал Рахманов. – Как нам объяснили, «Як-40» летел из Тикси. Хотя и не факт. Новосибирские острова тоже ничем не хуже. А Чукотка еще лучше – там концов вообще не найдешь. Дозаправка в Жиганске и Вилюйске. Но до Вилюйска он недотянул. В районе 65-й параллели и 120-го меридиана.

диана исчез с экрана радара. По словам диспетчера, пилот напоследок что-то крикнул, но что – тот не понял.

– Кроме того, самолет отклонился от курса, – добавил Борька Липкин, загадочно поблескивая «хамелеонами». – Либо ошибка диспетчера, либо пилота. Возможно, здесь и причина катастрофы – в сопку, например, врезался.

«А я тут при чем?» – хотела спросить я, но передумала. Сами скажут.

– Борт перевозил секретный груз, – процедил Рахманов. – Похоже, этот перелет курировали спецслужбы. Информации не дают никакой, но требуют спасать! А мы ведь даже не знаем, где он упал. И упал ли вообще.

– Короче, пакуй котомку, Дарья Михайловна, – сочувственно ухмыльнулся Борька, – настал твой черед защищать Родину.

– Не поняла, – испугалась я. – Больше некому?

– Очень просто, – объяснил Рахманов. – Спасательную группу сформировали в Мирном, об этом сообщили сорок минут назад. Она уже в пути – через час вертушка будет здесь. Но в группе нет врача: единственный медик на базе в Мирном вывихнул плечо. А врач по штату необходим – случись «разбор полетов», нас взгреют по полной программе, ибо это грубое нарушение инструкции. Понимаете, куда я клоню, Дарья Михайловна?

Наступила зловещая тишина. Осознав величие готовящейся миссии (и не возрадовавшись), я попыталась отбиться.

– Я не врач, я форменный вредитель. Даже институт не окончила. Почему бы вам не попробовать доктора Загибайло? Он с удовольствием сменит обстановку.

– Перестаньте, Дарья Михайловна, – поморщился начбазы, – доктор Загибайло не подлежит транспортировке. На высоте он начинает задыхаться – слабые легкие. Это отмечено в его личном деле (интересно, подумала я, а как его доставили в наш лагерь – на нартах?). Не волнуйтесь, Дарья Михайловна. Ваше присутствие в группе – формальность, перестраховка на случай проверки. Кого вы собрались лечить? По данным диспетчера, за минуту до исчезновения с монитора самолет находился на высоте минимум тысячи метров. Понимаете мысль?

– Не факт, Игорь Евгеньевич, – возразил Липкин. – Он мог снизиться и лететь над тайгой, не доступный радарам. Но в одном вы правы: посадочную полосу вблизи Хананги он вряд ли найдет. Выживших не будет.

– На семьдесят процентов поиски ничего не дадут – слишком обширен район возможного падения, – продолжал утешать меня Рахманов. – Покружите пару часов над местностью и вернетесь. Даже с трапа не сойдете. А с вашим мужем мы уладим, не переживайте. Прививку от клеща сделали?

– От энцефалита, – поправила я. От клеща, как и от волков, одна прививка – в лес не ходить.

– Не слышу ответа, – нахмурился Рахманов.

– Так точно, – сказала я. – Трижды.

– А мне вот кажется порою, что солдаты... – Борька ухмыльнулся и сделал музыкальную паузу, – принесли бы больше пользы. Снять дивизию ракетчиков с Вилюя – и бросить на прочесывание, все равно ни хрена не делают – там единственная «Сатана», и та заржавела, а гептил в газолин мутировал. Успех гарантирован. Не найдут самолет, так парочку беглых эков доставят.

– Ты, Липкин, не понимаешь пикантности ситуации, – глаза начбазы сузились в лазерные шарик, – «Як-40» перевозил секретный груз. Мы не знаем, какой, и черт меня подери, если я хочу это знать. И вам не советую проявлять любопытство. Методы работы спецслужб я знаю (еще бы, подумала я, МЧС и есть огромная, набирающая вес спецслужба). Никакой армии. Никаких посторонних гражданских лиц. Данные о катастрофе, а тем паче о грузе, в каком

бы состоянии он ни находился, – информация закрытая. К содержимому этого... долбаного крылатого ящика, – Рахманов смачно чертыхнулся, – имеют доступ единицы...

– И поисковая группа МЧС, прибытия которой мы ожидаем, – негромко, но ехидно выпало из Борьки. Как из дырявого мешка.

Нависла тяжелая пауза. Начбазы не шевелился. Зоя Мартыновна преданно смотрела ему в переносицу, ожидая указаний. Борька сдержанно зевнул (ему-то что, у него выходной). А у меня заныла на душе несмазанная петля. Пока еще не страх, так – беспокойство.

– Ты прав, – допустил Рахманов, – с этими поисковиками уже, по определению, не вяжется. Возможно, в вертолете есть люди, связанные со спецслужбами. М-да, неприятно... Но я не могу послушаться приказа. Группа должна быть доукомплектована. Всё, – Рахманов ударил ладонью по столу. Потом внимательно и впервые посмотрел мне в глаза, изобразив дозированное недоумение. – Хотя и причудливо это как-то. Я говорил с начальником базового лагеря; он уверен, что все ребята – из МЧС. Правда, набраны в спешке: кого от жены оторвали, кого от рыбалки... Воскресенье, господи.

Он явно недоговаривал. Но я уже решила: еду. Всем назло и себе в первую очередь. Не могла я больше находиться в этой дыре! Кирилл пластался без выходных, уходил в семь, бывало, в пять, приходил к полуночи, без сил падал в койку – долететь не успевал, уже храпел. До секса руки не доходили (вернее, руки-то доходили, а вот дальше...), общались три минуты в сутки. А до конца контракта – восемь долгих месяцев. И никаких гарантий, что он не подпишет новый...

Вертолет не задержался. Вынырнул из-за Южной сопки, пролетел над лагерем, завис с работающим винтом над посадочной площадкой и начал медленно снижаться. Это был старенький «Ми-8» грязно-зеленой расцветки с продольной желтой каймой под иллюминаторами и ржавым брюхом. Рабочая лошадка российской авиации. На хвосте – порядковый номер с пропиской: «Служба лесоохраны». Республиканское управление по борьбе с пожарами.

Несущий винт продолжал работать, возмущая окрестную флору, а двое курсантов уже забрасывали в салон коробки с оборудованием. Помимо лекарств и прочих бинтов, санчасть отгрузила аппарат искусственной вентиляции легких и мини-станцию переливания крови – итальянского производства, «весьма хрупкую и нуждающуюся в бережном обращении» (то есть желательно не распаковывать).

Один из курсантов что-то вопросительно рыкнул в кабину. Пилот, улыбчивый сахаляр, покачал головой и выразительно провел по шее, отвечая, видимо, на вопрос о количестве горючего.

Я раздумывала – уже можно идти или еще подождать? Неожиданно меня толкнули в спину:

– Бегать нужно, товарищ боец! А ну живо на борт!

Я оглянулась. Борька Липкин и тут поспел! Откуда взялся?

– Ты пришел меня проводить? – проорала я и осеклась.

Инструктор «выходного дня» был одет явно по-походному. Плотная дерюга-камуфляж до колен, сапоги, штаны с резинками, за спиной мешок. Шапочка с мягкой подкладкой.

– Нет, мы с тобой неразлучны! – прокричал Борька. – Рахман приказал – он боится, что одна ты выйдешь на путь воина, и это плохо кончится! Не доверяешь? – Он показал неплохие зубы. – Или я в масштабах ваших недостаточно хорош, Дарья?

Я бы так не сказала. Подтянутый Липкин в боевом камуфляже смотрелся что надо. «Узи» на грудь – и вылитый командос израильской армии.

Он посадил меня в утробу вертолета; я пригнулась, взялась за поручень и ощутила холодок в груди. Вот она, романтика: первым делом я увидела нечесанные бороды, переходящие в автоматы...

* * *

Баргузин – Лорду:

План «Б» приведен в исполнение. Примерные координаты падения объекта: девяносто шесть градусов северной широты, сто пятнадцать градусов восточной долготы. Агент Мотыль включен в состав группы «Спас». Перехвачены переговоры Севера с Фирмой. Некто Стерегищий вылетает вместе со спасателями. Личность неизвестна. Представляет опасность.

Лорд – Баргузину:

Мотылю предоставить полномочия – вплоть до чрезвычайных. Стерегищего выявить и нейтрализовать.

* * *

Первый в жизни полет на вертолете особой паники не вызвал. Мы шли на средней высоте. В иллюминаторе – бескрайний лесной массив. Во всей красе. Ни одного антропогенного пейзажа. Вопреки устоявшимся представлениям о редколесье Западной Якутии природа утверждала обратное: ландшафты менялись поминутно. Темные леса чередовались светлыми, выделялись горные кряжи, покрытые соснами. Змеились речушки, отражая солнечные блики. Меня подташнивало, однако крайних неудобств не было. При такой болтанке могло быть хуже. Но когда вертолет развернулся на северо-восток и солнце полоснуло по глазам, я не выдержала, отвернулась от иллюминатора. Солнце в июле достает до чертиков. Ночей не бывает. Светило опускается к горизонту, ложится на край неба и там «ночует», освещая Якутию, как днем. Утром вскакивает и висит, как лампочка, часов до восьми, после чего опять медленно уходит на ущербный закат. И так изо дня в день – половину лета, пока наконец к середине августа не установится бледное подобие ночи.

Я посмотрела на часы. Начало седьмого вечера. Лететь оставалось часа четыре. Сигнал бедствия прозвучал где-то над Медвежьим кряжем, вернее, над обширным урочищем между кряжем и речушкой Ханангой. Никто там не жил с сотворения мира. Глушь – первобытная. До ближайшего поселка три дня ходьбы (это теоретически, а учитывая прелести тайги, – десять). Об этом поставил в известность старший группы Боголюбов – обладатель трехмесячной щетины и фиолетового шрама над правым глазом. Остальные помалкивали – народ не жаждал общения. Ограничились представлением. Даже болтливый Липкин забился в угол и размеренно сопел, изображая спящего. Лишь к концу второго часа, когда все уже отдавили задницы, а на горизонте показались облака, стали переговариваться. Команда была разношерстной, набранной впопыхах, по трем лагерям. Многие друг друга не знали.

Костяк группы сформировали в Тамангане под Мирным, в штабе по борьбе с лесными пожарами. Двое из четверки непосредственно числились в структуре МЧС, третий работал в республиканском спасательном штабе, четвертый – в департаменте по обнаружению и локализации лесных пожаров. В Ытык-Тюеле приняли на борт еще двоих – с гидродомкратом и резакми по металлу. В Доброволине – меня с Липкиным. В итоге получалось восемь человек плюс пилот, отделенный перегородкой (почему он один, а не двое, как положено по инструкции, мы так и не поняли). Второго бородача, вооруженного короткоствольным автоматом (спасателям, ведущим работы в опасных зонах, рекомендовано носить оружие), звали Антоном Блоховым. Он был моложе первого и на лицо попроще, часто косился на Боголюбова, словно спрашивая разрешения на ту или иную фразу (непосредственный начальник, догадалась я). Все прочие были безбородыми. А работник департамента обнаружения и локализации и вовсе – женщиной. Люба Невзгода, как она представилась. У женщины было скучное, малоподвижное лицо,

приплюснутый нос, тонкие губы. Азиатские скулы придавали лицу угрюмость. На такую женщину мужчины обычно дважды не смотрят. Возможно, ее портила униформа, висящая мешком, или что-то другое, не знаю. Но интереса в мужской среде она не вызывала.

Со мной было сложнее. Остальные трое периодически косились в мою сторону. Один казался интеллигентным, другой изображал мачо (я в таких случаях добавляю *de sabrio*, и по-испански получается «козел»), а третий был зауряден – ни рыба ни мясо. Он смотрел настороженно. При погрузке мы обменивались крепкими мужскими рукопожатиями, так что я запомнила каждого (у меня феноменальная память – пока не забуду). Первого звали Сашей Турченко – очков он не носил, но в голубых глазах светился высокий IQ. Второй – Вадим Усольцев, шестиниственный красавчик с претензией на брутальность. Третий – «просто Сташевич». Если что его и выделяло, то это долгий немигающий взгляд. Казалось, он сейчас разлепит губы и заунывно произнесет: «А мы с вами никогда не сидели за одной партией?..»

Стали обмениваться репликами, поговорили о работе. Турченко вспомнил, как в апреле прошлого года треснул лед под Нижнекумской. Тридцать рыбаков отрезало от суши. Спасатели переквалифицировались в «дедов мазаев», вывозили людей на лодках. Никто и «спасибо» не сказал. Рыбаки пьянящие были – только ругались, а последних даже вытащить не успели – затянуло мужиков под вздыбленную льдину. Влепили по «строгачу», словно они сами эту льдину опрокинули. Усольцев в марте из Хакасии не выезжал. Снежные вершины чудили. Трассу Абакан – Кызыл накрыло лавиной, двоих в машине завалило – пока откопали, уже готовы. Парень с девочкой в обнимку, словно на свидании. Можно представить, что они чувствовали в последние минуты... У Сташевича разыгрались воспоминания о «ласковом мае», когда двадцать деревень в Красноярском крае ушли под воду. Такого разлива Кан еще не видел. Целая флотилия – каждая старожилка норвила полдома с собой увезти, мародеров боялись, а виноват во всем, конечно, Путин, и трудно объяснить, что не только он один. Многие отказывались бросать свои дома, а вода поднималась. В один из таких приливов он и попал – уходил последним, днище лодки пропорол козырек крыльца, и Сташевич полночи просидел на крыше в компании человека и кошки. Кошка орала дурным голосом, а человек аккомпанировал ей на баяне.

– Ерунда, – заявил Блохов. – Кан – это мелкие неприятности. Вот то, что случилось в Ленске, – это полная репетиция апокалипсиса. Особенно когда разрушилась нефтебаза и в Лену хлынули нефтепродукты... Впечатления жуткие. Дамбы прорываются, нефть рекой, «сушки» бомбами молотят по заторам... А тут вдруг лемминги начинают покидать береговую зону! Крысы такие северные. Не приведи бог увидеть. Лезут из всех нор, щелей... Сплошным ковром – плечом к плечу, на километры фронтом, дружно топают в тайгу. Вот где дух захватывает...

Я пыталась представить. Дошла до того места, как ковер пищащих зверьков обтекает босые ноги со следами прошлогоднего педикюра...

– Летим в дождь! – крикнул пилот. – Вы как хотите, а я снижаюсь! – У сахаляров потрясающее чувство юмора; от отцов, видимо, досталось, женившихся на якутках.

Кто мог, припал к иллюминаторам. Картина за бортом менялась не в лучшую сторону. Бледные облачка, вносящие разнообразие в монотонную голубизну, сменили цвет, сплотили ряды и перешли в наступление. Это образование явно носило дождевой характер – серую мглу чертила косая штриховка. Грозы в Якутии не редкость. В том числе и сухие: никакой воды, а молнии бьют, как из «Катюш». Жуткое зрелище. Не так давно трансформатор на стрельбище разворотило – прямым попаданием...

Пилот плавно повел машину к земле. Зеленый ковер бросился в глаза. Стали прорисовываться отдельные детали вида в плане – макушки деревьев, каменные россыпи на отмели извилистой речушки. Снизившись метров до двухсот, вертолет выровнял хвост. Под полозьями вновь побежал массив. Но праздничность пейзаж уже утратил. Лес потемнел вместе с небом. В завершение по иллюминаторам ударила вода...

– Между прочим, господа, в метеосводке из Грязина дождь не значился, – оповестил на весь салон Усольцев. – Над всей Якутией обещали безоблачное небо.

– Синоптики не ошибаются, – хохотнул Саша Турченко, – ошибается погода.

Невзгода бледно улыбнулась, но ничего не сказала.

– Неправда, – вспомнила я. – Синоптики с Бестяхской обещали дождь.

– Значит, ваши угадали, – оскалился Усольцев.

Боголюбов пристроил на коленях планшет. Развернутая им карта имела потасканный вид (видимо, в ответственные дни на нее ставили всё, в том числе закуску), однако, вытянув шею, я смогла прочесть вверх ногами знакомые названия.

– Полпути позади, – покосился на старшего Блохов.

– И немного осталось, – добавил Турченко.

Боголюбов молчал. Он мрачно рассматривал карту и что-то высчитывал; щетинистые губы отрывисто дрожали.

– Мне не ясен смысл спасательной операции, коллеги, – обронил Сташевич. – Кого и где мы собираемся спасти? От Хананги до Медвежьего кряжа – безнадежная глушь. Овраги поросли лесами, сплошные ельники; если самолет упал на дно, мы его не увидим. Работать нужно в комплексе: наземные поиски плюс координация с воздуха. А какой смысл кружить над массивом? Долго не протянем – нам на этом бензине еще возвращаться.

– Горючка у вас за спиной, – буркнул Блохов. – Двенадцать ведер в канистрах – недостаточно?

Не знаю, как насчет ведер, но в салоне были установлены еще и два дополнительных топливных бака – грубейшее нарушение техники безопасности. При аварии хорошо горят, а до аварии приводят к нарушению центровки воздушного судна.

– А в дождь искать особенно приятно, – подала голос работница департамента «разведки».

Липкин приоткрыл глаз и с интересом уставился на нарушившую обет молчания даму. У нее оказался выразительный, запоминающийся голос с ироничными интонациями.

– А дождь не навсегда, мадам, – продолжал полемику Усольцев. – Мы пролетим эту тучу со свистом. Вот увидите: в районе Медвежьего кряжа нас ожидает изумительный романтический закат. Скажите, мадам, – Усольцев хихикнул и подмигнул, – вас в департаменте учат разглядывать только пожары? Или с любой внештатной ситуацией вы справляетесь на «отлично»? Как насчет падающих самолетов?

Этот кадр оказался нервным. Люба его не испугалась.

– Нас учат наблюдать, коллега, – с недоброй улыбкой сказала она. – Пожары и падающие самолеты – не самые приоритетные направления в нашей работе. Не вынуждайте меня доказывать свою наблюдательность. Зачем вам конфузиться?

– Нет, вы меня заинтриговали, – скалился Усольцев, – было бы интересно послушать.

– Хорошо, – приняла вызов Невзгода. – Вы не прочь сходить в туалет. Угадала?

Публика захихикала.

– Попала, душечка, – не смутился Усольцев (но улыбка слегка потускнела). – Охотно сбегал бы по-маленькому, но, боюсь, случай представится не скоро. Часа через два, верно?

Невзгода дождалась, пока он закончит, и переключилась на других.

– Девушка напротив меня – полагаю, выдает себя за медика? – сильно озабочена. Она никогда не летала на вертолетах, ее тошнит, дождь за окном бесит, собственное невежество в медицине угнетает, но больше всего ей интересно, что скажет муж, когда придет домой и не обнаружит за гладильной доской жену.

– Меня это не беспокоит, – пробормотала я.

– А кто сказал «беспокоит»? – удивилась наблюдательница, – Я сказала «интересно». Есть разница?

Она попала в самую точку. Именно поэтому, невзирая на растущую тревогу, я не хотела в данный момент оказаться дома. Пусть волнуется.

– Браво, – заметил Турченко.

– А тебе, Саша, надо поменьше на нее поглядывать, девушка замужем. Это не самый счастливый брак, в нем хватает шероховатостей; но, заметь, разъяренная своим семейным статусом дама никогда не станет носить кольцо на правой руке.

Турченко не претендовал на роль мачо. Он покраснел. Я, кажется, тоже.

– Это понятно, – согласился Усольцев. – А дальше?

– А дальше возьмем мужчину в углу, делающего вид, будто он посторонний... – Борька Липкин оживился и открыл второй глаз; впрочем, потом передумал и закрыл оба. – Если вы посторонний, будьте добры им и оставайтесь. Незачем каждые тридцать секунд открывать глаз и выискивать во мне женщину. Она там есть, можете не сомневаться.

– Я учту, – намотал на ус Борька.

– А ваш коллега по цеху, – кивнув на Сташевича, обратилась Люба к Усольцеву, – озабочен предстоящими поисками. Он прикинул расход топлива и высчитывает, как долго мы сможем кружить над районом предполагаемого бедствия, прежде чем свалимся.

– Два с половиной часа, – вздрогнул Сташевич, – учитывая обратную дорогу.

– Он не мой коллега, – покачал головой Усольцев, – не имею чести знать. Мы из разных отрядов. Он – из Чернышевского, я – из Ытык-Кюеля.

– А вас зовут, если не ошибаюсь, Антоном? – повернулась Невзгода к Блохову.

– Правильно, – кивнул бородач. – Можно без отчества.

– Вы много пили вчера, Антон. Осмелюсь предположить, это было не шампанское и не кьянти. Рада за вас, коллега. Завидую людям, имеющим пятидневную рабочую неделю.

– Шутишь? – приторно гоготнул бородач. – Сегодняшний день похож на выходной?

– С утра походил, – кивнула Невзгода.

– Послушайте, коллеги, кончайте трепаться, – оторвался от карты Боголюбов. – Мы летим спасать людей или упражняемся в острословии?

Логика, конечно, была железобетонной. Похоже, не так давно майор демобилизовался из Вооруженных сил.

– А теперь насчет спасения людей... – Невзгода решительно подалась вперед. – Вы позволите еще несколько слов, командир? На посошок, так сказать? Спасибо. На вас и закончим. Не хочу нарушать течение ваших мыслей, но вы мрачнеете на глазах. В вас борются болезненное чувство долга и простейший страх. Первое говорит о том, что вы обязаны выполнить приказ, по крайней мере, сделать вид; второй молит о том, чтобы мы никогда не нашли самолет и поскорее вернулись на базу. Слов нет, кому-то нужно локализовать место катастрофы, чтобы наложить лапу на груз, и вы логично подозреваете, что представитель или представители оных сил находятся среди нас. Причем неизвестно, что у них на уме и какие они получили инструкции на случай успешного осуществления миссии.

Вопреки прогнозам Боголюбов не зарычал, хотя и имел к тому расположение.

«А ведь правда, – подумала я, чувствуя холодок в желудке, – детектив получается. Может, зря я на это подписалась?»

* * *

Такое ощущение, что мы попали в шторм: видимость нулевая, потоки воды хлестали по стеклам – почти горизонтально. Пытаясь в очередной раз прижаться к земле, пилот изменил тангаж – вертолет поплыл вниз, на правый борт. Я ударила спиной об острую окантовку иллюминатора.

– Держись, чебурахнемся, – пошутил Усольцев.

– Ох ты, ё-мое, – интеллигентно выругался Турченко, сползая с лавки.
Я вцепилась в плечо Усольцеву. В горле подпружинило, и я громко икнула.
– Икота, икота, перейди на якута, – пошутил Усольцев.

Не поверите, пилот громогласно икнул!

Тут оно и случилось – страшное. Вертолет рвануло, куда-то повело и... отчаянно завертело вокруг вертикальной оси.

– Винт отхреначился, командир! – истошно взвыл пилот. – Молния попала!

В переводе на нормальный это означало примерно следующее (о чем я узнала позднее): от разряда заклинило колено вала, передающего вращение на вспомогательный винт через редуктор в хвостовой части. Стабилизация приказала долго жить – под действием одного лишь несущего винта вертолет затянуло в круговорот и понесло к земле.

Кто-то из сидящих напротив навалился на меня, затем мы оба полетели обратно, увлекая за собой других несчастных.

– Держись, падаем! – вскричал Усольцев. Он уже не шутил. Нос вертолета накренился. «Батюшки, – дошло до меня, – мы ведь не в шутку падаем. В реале! Прodelали расстояние с половиной Франции – и на тебе!» Пол помчался из-под ног. Я влетела физиономией во что-то крепкое, стальное, возможно, в перегородку – разбила нос. Вспыхнул глаз. Я запоздало подставила руку, но под воздействием невесомости понеслась вверх по перегородке. Последнее, что худо-бедно помню, – пронзительную боль ниже локтя и рычание командира: «Всем надеть мешки!..» Остальное – цветные галлюцинации.

Как расскажет позже грамотный Турченко, нас выручил отказ основного двигателя и режим авторотации – когда лопасти винта раскручиваются набегающим потоком воздуха и тормозят падение. Видимо, пилот отчаянно работал рычагом тангажа, пытаясь уравнять подъемную силу с силой тяжести – тут и вышел сбой: двигатель отказал, включилась авторотация, благодаря чему мы и не рухнули камнем. Сминая молодой ельник, вертолет слетел на дно оврага и зарылся носом в терновник. Брызнуло стекло в кабине экипажа...

По счастью, нас не раздавило оторвавшимся двигателем – он просто не оторвался (хотя и должен был – от этого погибли многие, в том числе губернатор Красноярского края). Когда я очнулась, первым делом увидела над головой крапчатое небо с огненными сполохами. Меня тащили, дождь хлестал по лицу.

– Блохов, отставить! – орали с истерическим надрывом, – не трожь его, он труп! Живо в лес, твою мать!

– Мужики, ща рванет! – орал параллельно второй голос.

Люди разбегались кто куда. Девяносто второй бензин в салоне, отметила я как-то между прочим. И в бензобаке не меньше половины...

Меня швырнули за мшистый бугор, игнорируя правила куртуазности и галантного обращения. Я упала, лягнув зубами. Свернув трухлявую корягу, за мной в укрытие влетел еще один человек, за ним третий. А потом рвануло так, что я вторично лишилась чувств...

* * *

Перед глазами расплывался и дрожал иконописный лик Борьки Липкина – почему-то в оранжевой рамочке.

– Мы тебя потеряли и вновь обрели, Дашка, – бормотал он, заикаясь, и ощупывал меня – зачем?

Я решила приподняться. Лучевая кость правой руки пронзительно ахнула. Я упала на спину, завывала.

– Возьми платок, вытри ей нюшку, – предложил женский голос, и что-то заворочалось в мокрой траве. – Посмотри, она нос расквасила.

– Давай, – согласился Борька.

Я закрыла глаза. Убыстрялась веселая карусель. Влажная ткань прошлась по моей физиономии. «Гигиеническую» процедуру сопровождало сопение – я покорно ждала и не дергалась.

– Ты страшна, как фильм ужасов, Дашка, – радовал меня Борис. – Но в целом молодчина, не сдалась. Ты только не реви, ладно? Сейчас глазки вытрем... О-го-го, синячище! – Он при-свистнул. – А что? Смелое цветовое решение. Как это ты сумела?

– Болит, – прошептала я. – Знаешь, как болит, Борька... И нос болит... И рука... И нога, кажется...

– Пройдет, Дашок, но постарайся больше себя не калечить. Мне еще перед твоим мужем отчитываться...

Борька закончил процедуру и отодвинулся. Мой детский лепет на лужайке его не тронул. Он активно завозился и стал куда-то переползать – по-видимому, к обладательнице женского голоса.

– Эй, братва, – отрывисто пролаял Усольцев, – я вам говорил, что скоро туча пройдет? Полюбуйтесь!

Но со свистом, черт подери, мы ее не продырявили! Застряли где-то. Я с усилием разжала веки – словно намагнитили. Небо не рыдало. Воздух насыщала легкая изморось, освежающая лицо, как вечерний гель для душа.

– Что-то случилось? – прошептала я.

– Вертолет упал, – не сразу, но в тему разъяснил Борька.

– Мы... уже не полетим на нем? – Я, должно быть, глупела на глазах.

– Сомневаюсь. – Борька помолчал. – Он догорает.

Я сделала новую попытку приподняться. В отличие от правой руки левая не ахнула. Я перевернулась на живот и подтянула под себя колено.

– Интересно, – хмыкнул Борька, – у нас в стране еще остались неупавшие «Ми-8»? В прошлом году разбилось одиннадцать штук, в этом, если память не подводит, четырнадцать... Хотя нет, уже пятнадцать.

Все это было нелепо, грустно, драматично. Пламя доедало обшивку вертолета. Расквашенный нос (совсем как мой) представлял печальное зрелище. Кокпит наизнанку, стекла выбиты. Хвостовую часть и продольные стабилизаторы сбило деревьями. Держался лишь несущий винт, вернее, та его закаленная металлическая основа, что не реагировала на пламя. Пробороздил вертолет немало. Обрывистые края лощины словно проутюжило селевым потоком. По счастью, мы не рухнули на ели – каким-то чудом вертолет вклинился в узкую прогалину между густорастущими деревьями и проехал по склону оврага, пока не зарылся носом в землю.

Пламя не перебросилось на тайгу. Тайга, насыщенная влагой, его отвергла. Как короткий курортный роман, огонь жадно вспыхнул и погас, уничтожив что мог.

Дыхание перехватило. Я справилась с тошнотой и отыскала взглядом Борьку. Грязный, как поросенок, Липкин лежал на спине, держал левую руку с часами у уха, а пальцем правой стучал по циферблату.

– Все живые? – спросила я.

Борька не отозвался. За него ответила Невзгода, скрючившаяся за корягой. Она мрачно смотрела на Борьку.

– Пилот сгорел заживо. Его Виталей, кажется, звали. Остальные целы. Разбежались по лесам...

– Черт! – выругался Борька, сорвал с запястья часы и швырнул их в лес.

– Зачем? – тупо спросила я.

– Да правильно все, – Невзгода подтянула к подбородку колени и закрыла глаза. – Время не должно стоять, оно должно идти...

* * *

Потрясенные спасатели сбредались к пепелищу. Ни вещей, ни оборудования не осталось – только то, что каждый нес на себе. Пилот Виталья сгорел. Его буквально раздавило передней стойкой. Остатки тела еще дымились, источая смрад.

– Ты бы не смотрела, – посоветовал Липкин, заслоняя от меня сгоревшее тело.

Я не собиралась падать в обморок, о чем ему и сообщила. В институте четыре года любовалась на «учебный материал». Бледный Сташевич пытался вскрыть «Приму» с фильтром. Я жестом попросила угостить даму сигаретой. Он сунул мне пачку, дал прикурить. Я не успела толком закашляться, как Борька со словами «Минздрав давно кого-то не предупреждал» отнял у меня сигарету, сунул себе в зубы, а меня подтолкнул коленом к лесу.

– Уйди, Дашка. Хватит с тебя. За бугром найдешь мешки – упади и не вставай.

Я подчинилась. Свернулась улиткой, борясь с мелкой дрожью. Подтянулись остальные – стоять у разбитого корыта никому не хотелось. Люди падали в траву, садились на корточки, белые как привидения. Турченко подволакивал ногу. Пристроился на колено, стал закатывать штанину. Перелома не было, разорвало кожу на лодыжке. Командиру досталось больше: у него, похоже, было сломано плечо. С помощью Блохова он опустился на корягу, обнял руку, сидел неподвижно, закусив губу. Командовать в таком состоянии Боголюбов не мог – только скрипеть и тихо материться.

– Амбец, расковбоили, – интеллигентно обобщил ситуацию Турченко. – Сели прочно, господа. Связь потеряна, оборудования нет. Аварийной сигнализации – тоже. Уходим в робинзоны?

Спасатели молчали. Абсурдность ситуации было трудно переоценить.

– М-да, такие вот гуси-лебеди, – выдавил наконец Боголюбов. Плечо у него болело, должно быть, невыносимо – когда он говорил, лицо искажалось до неузнаваемости.

Операцию провалили по всем статьям. Даже чудо не оживило бы пилота и не заставило грудю железа подняться в воздух.

– Поздравляю, коллеги, – ухмыльнулся Сташевич, – Турченко прав – застряли надолго. До Медвежьего кряжа верст семьдесят. Населенных пунктов, имеющих связь с Большой землей, в этих лесах нет. Во всяком случае, мне о них неизвестно. Какие планы, коллеги? Палатку разобьем?

– Ну уж хренушки, я не могу, – неожиданно покраснела Невзгода. – У меня свадьба через неделю... И законный отпуск.

– Поздравляю, киска, – скабрезно осклабился Усольцев.

– Как жалко, – пафосно воскликнул Борька. – Ты сменишь фамилию, Любаша? Какая будет, если не секрет?

Невзгода опустила голову.

– Штыкман...

– Хорошая фамилия, – одобрил Борька, – боевая... – Покосился в мою сторону и еле слышно проворчал: – Подонки, однозначно.

– Слышь, народ... – начал было Усольцев.

– Народ на базаре, – перебил Боголюбов. От усилий совладать с болью у него обильно выступала испарина. – Хватит вам судачить, давайте думать, что делать будем.

Блохов извлек из-под куртки плоскую фляжку, отвинтил крышку и сунул майору.

– Прими, командир, тебе надо. Да хорошо прими, чтобы дошло. Спирт с водичкой, не нюхай. Да не морщись, водички там мало...

Что осталось после майора, разделили на всех. Одна лишь я, представив, что буду это пить, в ужасе затрясла головой.

– Нет, спасибо, отдайте мою долю остро нуждающимся.

Усольцев с Блоховым обтесали две сосновые плашки, сняли с Боголюбова верхнюю одежду и примотали бинтами к плечу (перелом оказался закрытым), соорудив таким образом подобие шины. Борька при этом не удержался и под нервный хохот погорельцев предложил мне приделать такую же на нос.

Точки зрения высказывались самые противоположные. Липкин предложил возвращаться в южном направлении: по его мнению, это хоть как-то говорило о нашей вменяемости. Я охотно к нему примкнула, аргументировав свое решение железной женской логикой: на юге народу всегда живет больше, чем на севере. Турченко то ли в шутку, то ли всерьез предложил не сусанить без толку – остаться на месте, срубить землянку, а на самой высокой сосне выбросить сигнал бедствия: например, его футболку ярко-канареечного цвета. Или дымить кострами. А еще лучше поджечь тайгу, тогда точно прилетят. Остальные упорно твердили, что надо идти на север. К аналогичному мнению склонялся и Боголюбов.

– Самолет все равно будут искать, – рассуждал он, кривясь от боли. – Не получив от нас вестей, к утру соберут новую экспедицию и начнут уютить район севернее Медвежьего кряжа. Не думаю, что будут всерьез искать НАС. Для «галочки» пару дней полетают, но это дело безнадежное: они не знают, где мы потерялись, а вертолет мог упасть в любой точке на протяжении 400 километров. Костры не помогут. Постоянные дожди – замаемся поддерживать огонь. Да и подумайте головой: поиски пойдут под эгидой ФСБ, а зачем мы чекистам? Им нужен самолет, а остальными можно пожертвовать. Не умеют выживать – не надо. Идем на север, коллеги, только на север, там наши шансы немного возрастают...

На том и согласились (к маме – значит, к маме!). Липкин не пошел против мнения большинства, посчитав, видимо, что и он бывает не прав. А я, услышав про 400 километров, и вовсе прикусила язык.

Дождь прекратился, но низкая облачность продолжала стелиться, погружая тайгу в потемки. После часового отдыха (меня поднимали как из гроба – белую, застывшую) пересчитали «наличность». Мешок с индивидуальными принадлежностями потерял только Блохов, остальные вынесли свое хозяйство (мой мешок тащил Липкин, да живет он вечно). Оружие – два «Каштана» с шестью обоймами (короткие аппараты с толстыми стволами и пистолетными рукоятками в качестве магазина) и «личное стрелковое» у Турченко, Сташевича, Усольцева – оставалось в сохранности. Две походные аптечки, спальные мешки, фонари, репелленты. Сухой паек на два дня. Чудно это как-то, думала я, ощущая новые позывы к беспокойству. Агент спецслужбы, если таковой имеется, должен нести на себе компактный передатчик. Как минимум. Иначе какой из него агент? Простой статист. И почему агент не может объявить во всеуслышание: мол, я агент? Слежу за тем, чтобы вы спасали груз, но при этом не открывали глаза. Что тут такого? Все работы хороши. В стране два десятка спецслужб, и у каждой свои собственные тайны. Мы пойдем. И почему нельзя обыскать друг друга и положить конец хоть одной неопределенности? Не хотим? Не догадываемся? Или костяк группы обо всем знает и принял правила игры?

Нет, определенно, просмотр политических боевиков одинокими вечерами наложил на меня проклятие...

* * *

Фирма – Северу:

Установлен конфиденциальный контакт с руководством РЛС в Успенском. Самолет взорван работниками 4-го управления ФСБ. Срочно сообщите Стережущему о наличии на борту человека из вышеупомянутого управления. Источник информации надежен.

Север – Фирме:

Связь с вертолетом потеряна. Формируется новая группа.

* * *

В этот вечер мы далеко не ушли. Усольцев исполнил речитативом «Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный...», но моральный дух нам не поднял. После дождя очнулись кровососы и бросились в атаку. Я вылила на лицо половину баллончика – благо, остальные части тела защищала одежда.

С первой же версты тайга показывала свой норов. Старый ельник не желал расстилаться по ровному месту: овраги, заваленные буреломом, тянулись один за другим. Тропу через мох и валежник приходилось растаптывать, чем и занимался идущий в авангарде Блохов. Поначалу он пер, как дреднот. Но вскоре начал тормозить, делал остановки. Дважды мы переходили ручьи, пили воду, наполняли фляжки, и после каждой остановки мобильность группы катастрофически стремилась к нулю. Я с трудом карабкалась по обрывистым скатам оврагов, сдирала с себя сухой лишайник – уснею, обильно спадающую с веток. Раза три или четыре теряла из вида прямую спину Липкина, сбивалась с курса и, тихо плача, попадала в паутины, которые в этом лесу имели обыкновение висеть на каждом метре.

Первая полянка стала последней. Мы выходили из леса, падали в траву. Кто-то курил, кто-то тянулся за фляжками.

– Всё, ребята, до утра отбой... – хрипел Боголюбов. – Женщинам – спать, мужикам – костер и поддержание огня. Дежури парами, по два часа...

Я влезла в спальный мешок – и просто выключилась.

Очнулась – страх какой, уже утро! Комар вонзился в щеку, я размазала его и долго смотрела на рваное небо в лабиринте строевых сосен. Половина отряда уже не спала – люди сидели у костра с постными минами и жевали пересоленную перловку из сухого пайка...

Бессмысленно разбираться, куда мы шли. Если вечером кто-то пытался балагурить, то на рассвете все молчали как рыбы. Мы двигались по тайге растянутой цепью и лишь на мелко-травчатых полянках сбивались в кучу. Большую тему: «А вдруг ничего не найдем?» – никто не озвучивал, но в глазах она читалась. На сотни верст – ни одного жилья, зато зверья и природных ловушек – с избытком. Светлохвойные редколесья постепенно сходили на нет, и после полудня мы вновь углубились в черные ельники. Небо пропадало, густела темнота. Почву прорезали каналы, прячущиеся в траве (следствие влияния вечной мерзлоты). Иногда они обнажались, белели рыхлые образования, похожие на золу, «насыщающие» таежные почвы под жиденьким слоем гумуса. Минеральных веществ в этой почве нет, оттого и растительность однообразная. Мы переправились через мелководную речушку, прошли умирающий старый лес. Опять тянулись овраги, заросшие сфагнумом. Боль в руке немного притупилась, синяк под глазом не саднил, и ночевка на голой земле пока не отразилась на моих легких. Поэтому страдания я претерпевала в основном моральные.

Во второй половине дня наши сложные перемещения были прерваны. Сухие леса кончались, мы спускались в заболоченную низину. На берегу заросшего осокой озера обнаружился четкий медвежий след. Потом со стороны авангарда забили сухие автоматные очереди. Я рухнула под сосну, дрожа как заяц. Медведь напал? Все оказалось проще. Блохов выдвинулся на поляну и обнаружил лосиху с лосенком, мирно обдирающих кору с дерева. Мы шли против ветра, они нас не почувствовали. Инстинкт добытчика сработал. Лосиха умчалась, оглашая поляну трубным воем, а лосенок забился в конвульсиях, жалобно выгибая шею.

Свежевали добычу дружно, всем гуртом. Рассекли тушу по брюху, сделали надрезы вокруг шеи и коленных суставов. Сняли шкуру, дождалась, пока стечет кровь, извлекли внутренности, отрубили голову... Когда мы уходили, оставив после себя страшный беспорядок, над поляной уже барражировали два внушительных «санитара».

В этот день мы прошли не более пятнадцати километров. Я терпела. Сняв ботинки, перемотала нарывы – до мяса не протерла. Место ночлега выбрали в низине, на прогалине в густом пихтовнике. Трещал костер, нагревая землю. На рогатинах готовилось мясо. Мы сидели кружком, рвали зубами несчастное животное. Пламя костра плясало по нашим лицам, превращая их в какие-то уродливые маски. Страх не проходил. Мясо казалось невкусным, тепло от костра просто не воспринималось. Я завалилась раньше всех, влезла в спальный мешок. Долго не могла уснуть – лихорадило. Ныли ребра, отдавленные в прошлую ночь. Как уснула, не помню совершенно...

НЕКТО

Он неплохо смотрелся в этой разношерстной группе. Шел со всеми, справлялся с трудностями. Он всю жизнь только тем и занимался – мимикрией. Метод Станиславского – полное перевоплощение в персонажа – освоил полностью. Как еще выжить?

Два печальных обстоятельства: пропажу точки с экрана радара и жесткую посадку вертолета – он воспринял как личное оскорбление. Шанс добиться единственного, ради чего стоит жить, – ВЛАСТИ! И всё прахом, планы насмарку, и конкуренты дышат в затылок...

Он не утерпел, влез в группу, чтобы самому лететь искать этот трижды проклятый груз. Один звонок генералу Черняеву – и вопрос решен. Доверять чужим нельзя, только он – фактический директор ЗАО «Глория», никому не ведомой, но могучей организации – должен быть там, когда заветный чемоданчик извлекут из-под обломков. Да что там – именно он и должен его извлечь! Никто другой!

Пусть считают, что он чекист – ему ни холодно ни жарко. Не ФСБ засекретило операцию – ОН засекретил. А если в деле и фигурировали персонажи, причастные к госбезопасности, – это их дело.

А если и был он чекистом, то давно и неправда. Кому охота рыться в пыльных архивах? Каждый третий, достигший успеха в этом государстве, – бывший работник «конторы». Ребенок из приличной семьи, примерный, с хулиганами не дружил. Играл в «Монополию» – кто из нынешних бизнесменов в нее не играл? Отслужил в погранвойсках – при штабе в Комсомольске-на-Амуре. Спортсмен – боксер, самбист; младших не обижал и себя в обиду не давал. Даже в первые полгода по «толчкам» не ползал и воротники старослужащим не подшивал. Был примерным комсоргом роты (немного постукивал, но не увлекался). В партию собирался. Незадолго до дембеля явился в штаб человек с постным лицом, вызвал, предложил работать в КГБ. «За вами долго наблюдают. У вас богатое и благородное будущее, молодой человек». Согласился. Окончил «Вышку» в Саратове, вышел лейтенантом (для своих), поступил в местный металлургический институт на отделение геологии...

От бабки осталась квартира, от матери – терпимость, от отца – умение найти свою нишу. Судьба расписана до пенсии: сотрудник местного УКГБ, слежка за иностранцами, выявление евреев и немцев, пытающихся эмигрировать; вербовка студентов, перепечатающих по ночам Солженицына с Амальриком (двое поспорили: доживет ли СССР до 1984 года; дожил, но не пережил). Годом к тридцати он научился бы пить, не пьянея, и помер бы в пятьдесят от цирроза...

Но случилось чудо. Руководство КГБ, обеспокоенное засильем «сынков» в разведке, затребовало провинциальные кадры. Пришла разнарядка. А он как раз успел жениться на дочери секретаря райкома. Роковой восемьдесят пятый, «от безалкогольной свадьбы – к непорочному зачатию»; на столах соки и «Пепси». Но это на столах... Нужные чины из числа приглашенных добавили в дело доброжелательные отчеты. Боги тоже люди.

Официально непьющий, спортсмен, член партии, старательный работник, диплом... Местное УКГБ отправило учиться в Андроповский институт – Первое главное управление КГБ, внешняя разведка. Лучистое будущее – вот оно, рядом...

Три года он грыз гранит. Жена Маринка прошла трехмесячные курсы – раз в неделю, по вечерам на Кутузовском: лекции о работе КГБ и стране пребывания (намечалась Бельгия), а затем годовичные курсы для отобранных – ей предстояло работать вместе с мужем...

Все сорвалось. Резидентом поехал другой. А он, после неудачи с выездом, некоторое время работал в 6-м управлении КГБ (экономической контрразведке) – заводил связи, ком-промат на неосторожных, вникал в практику дикого российского бизнеса. Выезжал в Женеву – на обеспечение переговоров с золото-платиновыми боссами ЮАР, завязывал знакомства с такими же «шестерками» с другой стороны. Они позднее сделали карьеру, он – нет, но начало бизнесу положил.

С 1990 года он активно участвовал в работе бирж, в 1991 ушел в отставку, возглавив СП «Глория». Начал с экспорта цветных металлов, далее пошло серьезнее – золото и платина. Связи с АО «Корякгеодобыча», артелью «Амур», купленные люди в «Алмазювелирэкспорте». С 1999 – гендиректор ЗАО «Глория» – деловой, молодой (на вид значительно моложе своих лет), с женой развелся, живи да радуйся, зарабатывай, процветай...

И вот такое случилось. Юность вспомнил? Таежные романы и посиделки у костра? «Бьются дождевики в палатку»? «Повесть о настоящем человеке»? Тот тоже куда-то полз, а потом ноги болели... Только полз «настоящий человек» за жизнью, а он – за сероватым, почти не блестящим металлом, стратегически полезным ископаемым по 450 баксов за тройскую унцию. Солдаты из команды Кортеса прозвали его «серебришком». Слово «platina» – уничижительное от «серебро»...

* * *

Я проснулась от шороха. Кто-то прошуршал в непосредственной близости от моего мешка. Я втянула воздух, затаила дыхание. «Косточки в ряд» жалобно скрипнули. Тишина настала – либо кто-то встал возле моего «кокона», либо бесшумно поплыл дальше. Жуть тихая...

Я легонько потянула «молнию». Мелькнули фосфорные стрелки на циферблате: без четверти пять. Утро пришло...

Никто не стоял над душой. За ночь натянуло тумана. Белое марево висело над землей, укрывало лагерь. По небу катились тучи – пока не дождевые, комковатые, но достаточно низкие.

Я высунула нос из мешка, осмотрелась. Видимость – метра три, да и то сомнительная – слишком густо клубился туман. Отдельные обрывки опутывали кустарник. Свистел порывистый ветер. Кто-то спал, завернувшись в спальник, за ближайшей кочкой, за ним угадывались очертания еще одного сновидца. Валялись мешки, обгорелые рогатины. Костер, обязанный «работать» всю ночь – для отгона зверей и согрева земли, – еле тлел. Дневального не было. Либо спать завалился, либо он и прошел мимо меня.

Странный шорох мне не почудился. Треснула ветка на опушке, зашуршали кусты... Человек уходил в лес – прочь от лагеря. Интересно, какая нужда погнала его в пять утра в самую чащу? Можно присесть на опушке и оправиться. А потянуло в кусты – зачем идти на цыпочках?

Прошло минут пять. Человек не возвращался. Внезапная сила заставила меня вытряхнуться из мешка. На цыпочках я добралась до опушки и присела на корточки. Раздвинула ветви. Ощупала носком землю, чтобы не попасть в какой-нибудь трескучий сушняк, и медленно перевалила с пятки на носок. Пот катился со лба. Я отбросила слипшиеся волосы, сде-

лала второй шаг. Нога уперлась в лежащий поперек дороги ствол. Я сместила центр тяжести, перешагнула. Встала за дерево, изучила обстановку и переместилась дальше – за соседнюю осину.

В белесой дымке обозначился кустарник. Я уловила невнятное бормотание. Кто-то разговаривал! Отдельные слова не различались, бормотание сливалось в монотонную абракадабру, но звуки, безусловно, издавал человек, а не какая-нибудь надломанная ветка, скребущая по коре.

Я отключила прочие органы, оставила только уши и... И бормотание, естественно, прекратилось. Усиливался ветер, и действительно какая-то ветка заунывно скрипела в такт его порывам.

Затем прозвучало еще одно слово. Я не ошиблась: «Понял». Пискнула электроника, дрогнул кустарник напротив меня. Зачавкал мох под ногами.

Он возвращался!

В этот миг я совершила первую из двух непростительных ошибок. Мне следовало остаться за деревом. Незнакомец прошел бы мимо, и я бы его узнала (на сидящую под деревом особу в густом тумане можно и не обратить внимания). Но меня опять куда-то понесло. Я вскочила, шагнула назад. Выстрелила хворостина под ногами. Ошалев от страха, я вывалилась из леса и побежала к лагерю. Там и совершила вторую ошибку – до того перепугалась, что упустила из вида элементарную вещь: на поляне спят шестеро, что мешало поднять их криком и потребовать защиты? (Хотел ли выходящий из леса причинить мне вред – вопрос интересный, но какая разница?)

Логично мыслить я была не в состоянии. У страха глаза... и прочие увеличенные органы. Я забралась в мешок для сна, швырнула «зиппером» и принялась усердно молиться. А вдруг он не видел меня? Подумаешь, топот. Может, стадо оленей пробежало?

Человек остановился рядом с моим «спящим» мешком. Я умирала от ужаса. Он мог одним ударом вбить мой нос в затылок, а спальный мешок превратить в «святую плащаницу», навеки запечатлевшую мою физиономию. Но не стал. Постоял и двинулся дальше – досыпать.

А я провалилась в какую-то поземку. Сон – не сон, но сознание отключилось...

* * *

Пробуждение было трудным. Я бродила сомнамбулой среди пакующих пожитки людей, мешалась под ногами, пока раздраженный Липкин не придал мне ускорение к журчащему на опушке ручью:

– Марш, засоня, физию мыть!

Когда я прибежала обратно с покусанным лицом и принялась вытряхивать из мешка репеллент, они стояли в походном облачении и молча меня осуждали.

– Семеро одного ждут? – спросил Борька.

– Не высыпаемся, боец? – съерничал Усольцев.

– Будем тренироваться, – пообещал Блохов.

– Можно подумать, мы опаздываем... – Я обильно надушилась и завязала мешок, Усольцев помог забросить его за спину. – Вот так и уходим – не помолимся, без завтрака?

– День обещает быть жарким, Дарья Михайловна, – хмуро возвестил Боголюбов. – Если не верите, посмотрите на небо. Будем идти, пока не взможем. А там посмотрим. Ягодки в пути пощиплете.

Пока я досыпала, тучи разошлись. Зима в этот год в Сибири выглядела глупо, а лето – странно. Зимой мы почти не носили тулупы, а летом погода отличалась стабильной непредсказуемостью: сухие вёдра и дожди с прохладой могли сменяться по восемь раз на неделе.

– Кто-то в лес под утро ходил, по телефону разговаривал, – решившись, выдавила я.

И правильно сделала, что решилась. Нельзя держать тайну в себе – не тот продукт. Шесть небритых физиономий и одна женская хмуро на меня уставились.

– Не понял, – сказал Усольцев.

– Ты с кем сейчас говорила, Дашок? – любопытствовал Борька.

– Глючит, – пристально глядя мне в глаза, сказала Невзгода. – Плохо спала, вот и глючит.

Командир многозначительно помалкивал. Он курил натошак дешевый «Престиж», яростно выдыхая дым уголком рта. Один из признаков наступающей подавленности.

– В пять утра кто-то пошел в лес поболтать по телефону, – повторила я, – под видом отлить. Но говорил тихо, я ничего не слышала.

– Кто ходил? – сняв с плеча амуницию, поставив ее под ноги и зачем-то оглянувшись по сторонам, спросил Сташевич.

– Не знаю, – пожалала я плечами, – туман был. А я за ним из любопытства пошла. А потом он назад подался, я струсилась и в мешок спряталась.

– Но голос-то чей? Ты же слышала его...

– Да не слышала, – разозлилась я. – Он в кустах бормотал, пойдешь догадайся, кто такой.

– Но голос, надеюсь, не женский? – покосившись на Невзгодку, предположил Липкин.

– А я-то как надеюсь... – побледнев, пробормотала «разведчица».

Я сумбурно восстанавливала в памяти обстоятельства происшествия. Ключья тумана, ползущие по лесу, вой ветра, заунывное однообразное бормотание. Краткое «понял»...

– Нет, – сказала я, – не женский.

– Что-то я не догоняю, – почесал бороду Антон Блохов. – О каком телефоне речь? Мы... где?

Я тоже не совсем «догоняла». Приемо-передающих станций сотовой связи в радиусе пятисот миль находиться не должно. Здесь тайга, а не Красный проспект города Новосибирска. Говорил по рации? Но с кем?

– С этим как раз понятно, – сдвинул брови Борька. – Спутниковая связь тем и хороша, что не требует дополнения вроде «оператора GSM».

– Все равно не верю, – покачал головой Турченко. – Я горячо уважаю нашу дорогую Дарью Михайловну – за терпение, труд, выносливость и... да что там говорить – за чертовскую привлекательность, но уж больно она ударяется в мистику. Человек проходит мимо – не узнаёт. Человек идет обратно – опять не узнаёт. Слышит голос – не понимает, чей... Нет, господа, народ мистику не приемлет.

– Не люблю как жанр, – поддакнула побледневшая Невзгода.

– Согласен, подобные истории случаются только в книжках, – вбил в меня занозу Борька. – А поскольку мы не в книжке...

Я хотела возмутиться, но не успела. «Книжная» история уже запала людям в души.

– Я спал, ничего не слышал, – пробормотал Усольцев. – Хотя нет... Часа в три или около того вставал... это самое... отлить – но в чашу не полез, на поляне и сделал...

– Фу, как некультурно, – поморщился Турченко.

– Блохов подтвердит, он как раз на костре сидел...

– Было дело, – подтвердил Антон. – На полянке он опростался, на бугорок. Пошутил еще: мол, единственное счастье в жизни.

– Я тоже спал, – подал голос Сташевич. – Отднвалил с двенадцати до двух, завалился – и кирдык.

– Минуточку, – опомнился командир, – вы мне голову не морочьте. Кто днвалил с четырех до шести?

А и верно, осенило меня, не было никого у костра.

– Ну вот, я так и знал, – расстроился Липкин. – Извиняйте, майор, я дневалил. Уснул, виноват, готов искупить по всей строгости. Дровишек подбросил, в мешковину залез – ну, чисто помечтать – и... отрубился, как хорек.

Он и в самом деле выглядел огорченным. Майор Боголюбов начал багроветь.

– Стоп, майор, – опомнилась я до первого грома. – Вы его накажете по всей строгости военного времени – но потом. Вернемся к теме телефона. Почему бы каждому из нас не вывернуть карманы?

Реакция оказалась не совсем такой, что я ожидала. Они рассмеялись. Пусть не все, но добрая половина.

– Это так смешно? – удивилась я.

– Послушай, девчонка... – искаженное от смеха лицо Боголюбова изменилось, а взгляд вонзился в меня, как шпора в лошадь. – Ты без году неделя в нашей компании, так какого ты пыжишься? Запомни раз и навсегда: я могу наказать этих людей; я могу заставить их ползти на брюхе за конкретную провинность – например, за сон на посту, за драку, за пьянку; я могу спустить с них семь шкур и семь потов; но никогда – мотаешь на ус? – НИКОГДА я не заставлю нормального поисковика вывернуть карманы. В противном случае он не нормальный поисковик, а я прокурор.

– Это то же самое, что вывернуть душу, – сказал Усольцев.

Абсурд какой-то.

– Но для пользы дела... – проямлила я, – может быть, кто-то сам...

– А ты понятливая, – вздохнул Сташевич. – Начинаем заново...

– Да бросьте вы с ней возиться, – сплюнул под ноги Блохов. – Идти пора, а мы тут бабе лекции читаем.

– Прости, Дашок, они правы, – коснулся моего плеча Липкин, – никто не откроет тебе душу. Ты вспомни, может, это ручеек с утрца бормотал?

Ну почему этот хорь из спецслужб не может открыться, думала я уже в сотый раз. Глупцов там не содержат. Любителей таинственности ради таинственности – тоже, наверное, немного. Имеется причина сохранять инкогнито?

К величайшему сожалению, а для многих – к величайшей трагедии, такая причина у него была.

* * *

Север – Фирме:

Стерегищий вышел на связь через спутник. Информация о человеке из 4-го управления, находящемся в группе, Стерегищему передана. Вертолет потерпел аварию в семидесяти километрах южнее указанных координат. Пилот погиб. Есть раненые. Группа движется в пешем порядке в северном направлении к месту предполагаемой катастрофы.

Лорд – Баргузину:

Объект «Спас» совершил вынужденную посадку. Забудьте о Мотыле. Фирма высылает новую поисковую команду. Принять все меры по опережению и перехвату груза. В ваше распоряжение передаются сотрудники службы безопасности концерна «Титан».

Фирма – Северу:

Забудьте о Стерегищем. Бросить все силы на поиски материалов. Утрата груза недопустима. Отправка новой геологической партии влечет неизбежную засветку и провал миссии.

* * *

Ветки хлестали по лицу, испарина заливала глаза. Свернуть с лосиной тропки было невозможно – бурелом и щетинистый кустарник не давали пройти. Здесь даже солнце не добивало до земли, застревало в плетении ветвей. Самонадеянный Усольцев сделал попытку пробиться на звук журчащего ручья, но через пару минут вернулся – бледный, измазанный, мокрый по горло.

– Вперед, соколики, вперед... – хрипел с астматическим надрывом Боголюбов. – Сухой буду, Медвежий кряж близко, не проскочим... Веселее, мужики и бабоньки, щас пройдем это парковое хозяйство и покемарим на склоне...

К появлению первой плешивой скалы я имела в активе натертую ногу, ушиб лодыжки и второй синяк на лице. За скалой, весьма удобной для написания граффити, распахнулся песчаный холм, усеянный симпатичными, как бы игрушечными соснами. Мы добрались до склона и попадали, как трупы.

Отдохнув, начали восхождение. Наверху выяснилось, что самое неприятное впереди. Внушительная каменная гряда с редко растущими деревьями, из которой на нашем участке – два отполированных валуна из красноватого камня, а между ними – седловина, открывающая вход в невидимый снизу распадок. По мере приближения распадок превращался в фикцию. Никакой долины через кряж не было. Опасная тропа, загроможденная булыжниками, петляла по краю скалы. Правее стена переходила в наклонную – с косоруками березками и редкими клочками травы. А внизу, насколько хватало глаз, простиралась волнистая тайга. Мы находились на краю плато, обрамлением которого служил Медвежий кряж – цепочка скал и утесов, разбавленных островками леса. Близость равнины была обманчива. Торчащие под нами неровности казались непроходимыми. Как долго через них перебираться? А главное – как?

Но вариантов не было. Туристы любят опасные тропы. Мы ступили на тропу и со скоростью раненой черепахи потянулись вдоль отвесной стены. Хуже всех приходилось Боголюбову. Мы могли присесть и, цепляясь за камни, по-гусиному переползать опасные участки, его же любые отклонения от вертикали бросали в дрожь. Прийти на помощь было некому – двоих узкая тропа не вмещала. Несколько раз мы останавливались, ждали, пока он нас догонит.

– Ты молодец, Дашок, – бурчал в спину Липкин, – поражаешь в самое сердце. Я-то думал, ты у нас изнеженная и капризная, а ты, оказывается, во какая неожиданная...

Минут за сорок мы одолели опасный участок. Отвесная скала переходила в склон холма, увенчанный худыми березками. Опасность он представлял не меньшую, но морально стало легче. Народ приободрился. Потянулись веселее, перебрасываясь шуточками.

– Черт! – вдруг взвизгнул замыкающий колонну Усольцев. – Вертолет! Ребята, смотрите, вертолет!

– Где? – ахнул Блохов.

Дыхание перехватило. Я дернулась, словно пуля над ухом просвистела. Обернувшись, отыскала изумленное лицо Вадима, вытянутую руку. Он показывал на равнину. Я проследила за рукой, но мельком. Обернулись все. А Антон Блохов – неудачнее всех. Нога скользнула, он потерял равновесие, начал балансировать на краю. Вскрикнул. Уже катились камни по откосу. Он смотрел на нас огромными глазами, пытался удержаться. Ухватись он за торчащий из стены каменный клык, все бы обошлось. Но Блохов предпочел березку под откосом – подался вперед, обнял ствол. Береза переломилась, как сухая хворостина. Обнажилась желтая труха под берестой.

– Во блин, – ахнул Липкин.

– Антон! – завизжала Невзгода.

Турченко метнулся, отбросив к стене командира. Не успеет, подумала я.

Блохов так и рухнул вниз лицом, доломав березу; махнул руками и покатился по камням на дно оврага.

Падение спасателя вызвало краткий, но энергичный камнепад. Шмат обрыва сполз по наклонной. Мы успели отпрыгнуть, и больше никто не пострадал. Все зачарованно смотрели, как булыжники вперемишку с землей засыпают неподвижное тело, с разгона вонзившееся в щербатую глыбу.

– Эх, хвост-чешуя... – потрясенно вымолвил Турченко.

Боголюбов грязно выругался.

– А как же вертолет? – вдруг растерянно сказала Невзгода. Она по-детски моргала и, видимо, еще не поняла, что случилось.

Очень к месту.

Небо было чистое. За исключением группы белесых комочков, накапливающихся на севере (опять к дождю?).

– Птица пролетела, – предложил унылую версию Турченко.

– Сам ты птица, – огрызнулся Усольцев. – Зуб даю, вертолет летел.

– Упал твой вертолет, – в сердцах выплюнул Борька и подтянул лямку вещмешка. – У нас постоянно что-то падает, я уже не удивляюсь... Ладно, народ, пойдем копать Антошку, царствие ему небесное...

Я сама чуть не упала – держите меня, я летчица! – благо вездесущий Липкин поймал меня за конечность и показал, как надо спускаться: шагом лыжника – медленно и боком.

Через пять минут мужики уже очищали от камней тело, а я приткнулась к Невзгоде, которая сидела под горой, обняв колени, и тупо смотрела в пространство. Но обрести покой нам не дали.

– Эй, врачиха, ком цу мир! – махнул Усольцев. – Заключение дашь.

Издевались, ироды (хотя формально и должны были, наверное, предъявить тело медику). Мертвее Блохова был только огрызок свернутой им березы, который Турченко с любопытством катал носком сапога.

– Еще Арсентьев, путешествуя по Уссурийскому краю, подметил эту гнилую особенность березы. На погибшем древе береста не отмирает. Дерево гниет изнутри, превращаясь в труху, а снаружи выглядит как новенькое. Правда, без листы.

– Помолчи, – процедил Боголюбов, – хороший парень погиб.

Турченко пожал плечами. Он, собственно, и не плясал джигу. Для спасателя смерть – обычное дело, не станет он рыдать на каждом трупе.

Переломанное тело (падая, Антон расколошматил грудную клетку) очистили от грязи, упрятали в спальный мешок и убрали в тень. Могилу рыли не спеша, с перекурами. Спешка, как цинично пошутил Липкин, нужна была при ловле Блохова, а обряд погребения – дело серьезное. Тесаками взрыхлили землю, порубили корни, а потом руками выгребали глину, пока на глубине в полметра не упрулись в мерзлый грунт.

– Хорошо ему тут будет, – прохрипел Усольцев, вытирая кепкой пот со лба, – прохладно...

Мужики таскали камни, мы с Любовью резали дерн и украшали холмик. Ориентир захоронения нашелся без труда – трехствольная уродина на обрыве. Завершив погребение, мы постояли в молчании, обойдясь без торжественных залпов и распития напитков (командир строго-настрого запретил переводить остатки спирта), после чего неторопливо полезли в гору...

С этого часа неприятности следовали за нами по пятам. При переправе через речушку, заваленную древесным ломом, Невзгода умудрилась в нее упасть. Речушка была неширокой, метров десять, и глубиной в три ладони, и переправа казалась надежной – два палых дерева с берега на берег. Но в дело опять вступил человеческий фактор. Усольцев, не дождав-

шись, пока Люба перебежит по бревну, ступил на «таежный мост», который немедленно провернулся. Усольцев успел соскочить, а Люба, по-мужски ругнувшись, загремела в воду. Водичка была прохладной. Пришлось отпаивать ее спиртом, раздевать (изолировав от общества), сушить одежду. Процесс сопровождался импульсивными вспышками брани в адрес «гребаной гориллы». Мужики незлобиво хихикали (на предмет «Любовь зла»), а Усольцев вымаливал индульгенцию.

Спуск в долину оказался не таким кошмарным, как думали, но кровушки отнял. Кустарниковая растительность заполняла пазухи в земле – овраги, трещины в грунте, пересохшие ручьи. Лишь на обдувных скалах ее не было (но и нас там не было). Усольцев с Липкиным двигались в голове, прорубая просеку в живописном хаосе. Сташевич и Турченко следили за обстановкой, остальные – в том числе и я – исполняли роль «беззаботных» туристов. Дважды лес обрывался; приходилось ползти по скалам, цепляясь за жилистые корни. Горели ступни, руки немели, а хвойный лес в долине почти не приближался.

На привале мы без сил попадали в лишайник. Объявив, что его желудок не рассчитан на космические перегрузки, Сташевич уволокся за скалы. Через минуту оттуда разразилась пистолетная пальба. Мы подпрыгнули. Куда бежать? Липкин реагировал здраво: схватил «Каштан» покойного Блохова и, клацнув затвором, умчался.

– Ерунда, козулю подстрелил, – махнул рукой Усольцев, – будет что пожрать.

Но все пошли на выстрелы и под обрывом, среди каменных глыб, обнаружили неприглядную картину. Бледный как смерть Сташевич сидел на коленях, таращился в пространство и нервно тискал левый локоть. Из прокушенного запястья капала кровь. Венозная, слава богу – темнее артериальной. Красивый зверь размером со среднюю собаку, с пушистой серо-бурой шерсткой лежал посреди площадки и судорожно подрагивал. Рысь!

– Бинты! – заорала я. – Лекарства! Быстро!

Турченко метнулся к рюкзакам. Усольцев, стараясь не вляпаться в кровь, носком сапога перевернул зверя. Натуральная рысь. Уши кисточками, толстые лапы со «снежными лыжами», хвост пушистый, обрубленный, жесткие брыжи обрамляют бледную мордочку.

Она дернулась последний раз, словно вздохнула, сверкнула надменными глазками и затихла.

– С верхотуры прыгнула, гадина... – сквозь зубы пожаловался Сташевич, кивая на дуплистую, как бы присевшую корнями на шпагат сосну, венчающую скалу с прожилками шпата. – Я пальнул несколько раз, в руку вцепилась, с-сука... Хорошо, не в горло.

Он еще не оправился от шока. Сидел на коленях, нянчил руку. Удивительно, как не выронил пистолет. Местные кошачьи габаритами не впечатляют, порядка метра от кончика носа до кончика хвоста, но силы недоужинной. От удара такой твари можно не только ребер недосчитаться – вообще богу душу отдать.

Руку киска прокусила качественно. Вены не порвала, но мясо потрепала. Сташевич на глазах превращался в привидение. Кровь выходила толчками. Вдвоем с подоспевшим Турченко мы затащили жгут над локтем – тянули, пока лицо пострадавшего не обрело цвет спелой сливы. Наложили повязку на запястье. Кровотечение остановилось.

– Жить будешь? – хмуро спросил Боголюбов.

– Буду. А то ведь пристрелите...

– Ну так пошли.

– Минутку. Она, что, шла за нами? – Липкин вскарабкался на камень и исследовал место, облюбованное рысью для наблюдения. – Отсюда наш привал как на ладони. Проследила, что один из нас оторвался от коллектива – и айда по его душу... Удивительно, коллеги. Рысь охотится ранним утром и на исходе дня. Не сказать, что голодный год, да и животное умное... Очень редко местные хищники в ясном уме бросаются на человека. Предпочитают мелких тварей. Нет, конечно, единичные случаи имели место...

– А мы и есть мелкие твари, – попытался объяснить Турченко. – Мельче некуда. Я могу даже обосновать...

– Отставить! – рявкнул Боголюбов. – Тошнит уже от ваших умствований!

– Да не шла за нами рысь, – проворчала Невзгода. – Это самка, если кто не видит, а самки ревниво относятся к вторжению на свою территорию.

– Может, срубаем ее? – задумчиво пробормотал Усольцев. – Кто знает, братва, рысь вообще съедобна?

– Тьфу на тебя, – поморщилась Невзгода.

– Съедобна ли кошка? – задумался Турченко. – Да, Вадик, в общем и целом съедобна. А некоторые народности – мы называем их рисоедомы – почитают мурзиков за деликатес, что и понятно: риса много, кошек мало... Но знаешь, дружище, лично я пока не рвусь.

К заходу солнца мы спустились с отрогов Медвежьего кряжа и на берегу отстойного озерца, заросшего осокой, подстрелили молодую козочку. Животное спустилось по тропе испить водицы, а увидев посторонних, попыталась улизнуть. В красивом прыжке, уже на излете, ее и снял из «Каштана» Борька Липкин – под всеобщее одобрение и ликование.

На привал в этот вечер встали раньше обычного – устали сильно. Облюбовали днище овражка, натаскали растопки, еловых лап для комфорта, занялись приготовлением пищи. Сташевич сам себя перебинтовал – рана опасности не представляла, начинала подсыхать. К десяти часам мы сидели тесной обоймой; мужики прикидывали расход спирта, а мы с Любашей резали дымящееся, обернутое в хрустящую корочку мясо. По традиции плеснули из фляжки в костер, бросили туда же кусок мяса – дабы местные боги не чинили нам препятствий (говорят, так надо, боги тоже не прочь покушать). Помянули Антона Блохова – хороший был парень. Грубоватый, простой, но без хитринки и охоты гадить ближнему. Я тоже отпила из «фаныча» (так в шутку Боголюбов величал кружку) – правда, когда глаза полезли из орбит, пришлось об этом крупно пожалеть. Но парни разлили еще по одной, крякнули. Любовь не отставала.

– Спирт всему голова, – глубокомысленно изрек Усольцев, утирая рукавом щетинистые уста. – Будем живы, мужики и бабы.

Потянулись за мясом.

– Красавицей была наша козочка, – не к месту вспомнил Турченко, – Аленушка, наверное. Из лужицы попила, а тут Борис с «Каштаном»...

– Осторожно, очень вкусно, – предостерег Липкин.

Не то слово. Никогда не ела такой вкуснятины. Сок струился по губам. Мы давились, глотали мясо вместе с гарью и копотью и даже не заметили, как выпили по третьей.

– Шабаш, мужики, – опомнился Боголюбов, в самый разгар пиршества перекрывая трубу. – Осталось хрен да маленько, а это, как вам известно, лекарство...

– Что делать будем, командир? – угрюмо перебил его Сташевич.

Все дружно замолчали. Перспективы на ближайший исторический период открывались какие-то туманные. До отчаяния оставался шаг, до безысходности – два...

– Нам дали шанс сойти с ума, – сострил Липкин. – Воспользуемся ли?

– Я не дам вам такого шанса, – отрубил Боголюбов. – Не надейтесь. Мы видели вертушку – далеко, но видели. Усольцеву не померещилось. Если она пропала из вида, значит, куда-то села. Мы вошли в зону от Медвежьего кряжа до Хананги. До места предполагаемой катастрофы – верст пятнадцать. Все элементарно, коллеги, – спасательная экспедиция работает, она не может не работать. Будем молиться, что самолет еще не нашли, – тогда нас заметят. Костры разведем, сигналить будем...

– Минутку, командир, – перебил Липкин, – давайте рассуждать. Рейс до Мирного накрылся в воскресенье. Истерика понятна – груз секретный и определенным лицам нужен позарез. Формируют с бора по сосенке группу – уж извиняйте, командир, из разного сброда, кто под руку попался, – сажают на аварийную рухлядь и бросают незнамо куда. Ищите, спаса-

тели. Внезапно связь с ними обрывается. Ждут час, ждут ночь – бесполезно. Группа майора Боголюбова на связь не выходит. Стало быть, гибнет. Наступает понедельник. Истерика достигает накала. Я убежден: на поиски самолета бросают лучшие спасательные отряды, дислоцирующиеся в Западной Якутии. Режим «кулуарности» смягчают – все равно при каждой группе имеются представители спецслужб. Район поисков обширен, но и силы немалые. Ищут понедельник, ищут вторник – разве недостаточно, чтобы найти? Я не знаю, командир, какой вертолет видел Усолцев, но считаю высокой вероятностью того, что груз уже доставлен по адресу, а поисковики сидят на базах и кушают водочку. Ищут ли нас? Ну конечно, ищут, но где? И какими силами? От базы до Хананги... сами знаете. Что мы будем делать, когда кончатся патроны и репеллент? Куда идти? Мы, знаете, немного не здешние...

Липкин замолчал, уставившись широко открытыми глазами в костер.

– Умный мальчик, далеко пойдет, – еле слышно пробормотала Невзгода.

Боголюбов пару минут безмолвствовал. Потом внимательно посмотрел на каждого. Когда он встретился взглядом со мной, в его глазах мелькнуло что-то бесовское. Или клочок бересты вспыхнул в костре, а в глазах отразилось? Я почувствовала дурноту.

– А вот по этому вопросу я хотел бы перетереть с одним из вас. Полагаю, у него найдутся ответы.

– С кем? – машинально спросила я.

Командир не ответил. На меня он уже не смотрел, избавив от ноющего защемления в затылке; таранился в костер, видимо, стараясь в глубине пламени отыскать связующую нить.

Он что-то знает, сообщила я. Еще один темнила.

Воцарилось молчание. Я осторожно повернула голову. По глиняным откосам оврага плясали блики костра, выстреливали искры, отливали щетины. Горящие зеленью глаза Невзгоды сделались кошачьими: зрачки сузились в вертикальные щелки. А высоко над деревьями опять собирались «стада Аполлона», медленно смещаясь против ветра. По приметам – к дождю.

* * *

Несмотря на дикую усталость, я спала беспокойно. Чесалась невымытая голова. Пропотевшее тело, не привыкшее ходить грязным, подавало возмущенные сигналы. Зудели синяки и царапины. Подъем был жестким – как кастетом по макушке. Борька Липкин сдернул «молнию» с моего спальника, гаркнул в ухо:

– Дашок, подъем! Командир пропал!

Меня подбросило, как на батуте. Хоть бы раз дали выспаться, нелюди... Борька уже умчался, а у меня в ушах все стоял его вопль. Я извлекла себя из спальника, как банан из кожуры, обозрела реалии (хмуро, серо, домой хочется...) и, тихо выражаясь мужскими словами, стала в эти реалии вливаться.

Комары еще спали, птицы не пели, только люди, перекликаясь, бродили по туману. Липкин пробудился раньше прочих и несколько озадачился, не найдя в соседнем спальнике Боголюбова. Под деревце пошел, решил он. Однако через пару минут спальник продолжал пустовать. Значит, дело серьезнее, решил Борька, по-крупному случилось. Но майор не возвращался. Спальник не выглядел мятым. На ощупь оказался холодным. «Не ложился!» – прозрел Борька. Оглядел окрестности и, не найдя пропавшего вожака, принялся будить народ. Кто-то вспомнил, что во время отбоя майор сидел у костра, угрюмо смотрел в огонь и на покой не собирался. Видно, так и не собрался...

Его нашли в соседнем овражке под кустом лещины – метрах в пятнадцати от лагеря. Там туман стелился особенно густо, и Люба Невзгода, отважившаяся в него спуститься, не сразу поняла, что наступила на руку. А когда поняла, что нашла, стала кричать. Майор лежал ничком, вывернув голову, правую руку вытянув вперед. Описывать реакцию людей не имеет смысла.

Самый сдержанный в нашей компании – Турченко – оттеснил Невзгодку, присел, перевернул тело. Лицо майора искажала судорога – линия смерти от левой скулы к правому виску. Глаза распахнуты, рот оскален...

– Холодный... – Турченко вернул тело в исходное положение и, не вставая с колен, обозрел нас, застывших полукругом. – Интересная штука получается, коллеги. Мы не в «последнего героя» играем, нет?

– Ч-черт... – прошептал Усольцев.

– Он хотел с кем-то поговорить, – глухо вымолвил Сташевич.

– Он поговорил, – невесело хмыкнул Липкин.

– Ты хочешь сказать, его смерть не случайна? – пробормотала Невзгодка.

– Случайна, – поднялся с земли Турченко. – По голове его не били, следов крови нет.

Внезапный сердечный приступ – в этом нас хотят убедить. Давайте думать: принимаем предложенную версию или ищем другую.

– Ты не прав, Саша, – возразила Невзгодка. – Описано множество случаев, когда здоровые крепкие мужики, ни разу не обращавшиеся к врачу, умирают от внезапной остановки сердца. Наш двигатель непредсказуем. Майор мог пойти по нужде, спустился в лощину и почувствовал себя плохо.

– А я разве спорю? – удивился Турченко. – Ради бога. Все мы под ним ходим. Если наш симпатичный медик примет эту версию, я охотно ее поддержу. Ваше слово, товарищ эскулап?

Я не стала дожидаться, пока они на меня уставятся.

– Майор скончался от удушья, – тихо поведала я. – Только асфиксия может до такой степени исказить лицо. У людей, умерших от инфаркта, остается гримаса боли... Но это не пытка. Иногда они могут позвать на помощь... Да, я вижу, его не душили, на шее нет следов. Но тем не менее он умер от внезапной блокады верхних дыхательных путей. Это очевидно.

– Как это могло произойти? – мрачно спросил Сташевич.

– Не знаю... По-разному. Укол сильного нервно-паралитического вещества. Скажем, строфантин. Достаточно проколоть кожу булавкой: мгновенное сжатие сосудов, паралич и смерть за считанные секунды.

– Ни хрена себе поговорили, – присвистнул Усольцев.

– Среди нас что, великий отравитель? – пробурчал Турченко.

– Во всяком случае, это интеллигентнее, чем нож, – сбивчиво пробормотал Борька. – А также тише и гигиеничнее.

– Пойдите, – опомнилась Невзгодка. Она словно проснулась, попяtilась, сразу стала в тумане какой-то неотчетливой. – Что вы хотите сказать? Что один из нас... из ВАС, черт возьми... – Она замолчала, дыхание у женщины перехватило.

– Предлагаю осмотреть тело, – услышала я свой собственный, почти без запинок голос. – Уколы, порезы, кровоподтеки. Пусть мужчины его разденут и внимательно осмотрят. Надеюсь, матерым спасателям это не в диковинку? Пойдем, Люба, они без нас справятся...

А дальше была истерика. Я сидела на еловых лапах у потухшего костра, тряслась, не могла совладать со стихийным порывом. «Фамильная» скромность не позволяла рыдать в полный голос, поэтому подошедший сзади Борька не сразу обнаружил, чем я тут занимаюсь. Он нагнулся, обнюхал меня – и после этого начал изображать из себя старшего товарища.

– Ну, вот еще выдумала, Дашка, кончай реветь... – Он попытался по-отечески пристроить мою голову себе на плечо, и отчасти у него это получилось. – Нормально все. Одним – кончина, другим – неплохие шансы. Представляешь, ни уколов, ни порезов, ни кровоподтеков на теле Боголюбова нет. Если не считать, что все его тело – огромный синяк.

– Борька, – всхлинула я, – скажи, что это не ты сделал. Ведь должна я верить людям?

– Хорошо, подруга, – серьезно сказал Борька. – Это не я. Легче тебе от моих слов?

– Нет... Но кто-то ведь его убил, скажи? Не так умирают от инфаркта. И от инсульта умирают не так. Они не бывают похожими на синяк...

Дальше я замолчала, потому что стали собираться люди. Потекли версии, фантазии, ложные воспоминания. Усольцев припомнил, как ночью слышал подозрительные голоса – якобы говорили тихо, но возбужденно. Глаза при этом он открыть не догадался. Сташевич уверял, что кряхтел встающий человек и хрустел буреломом в стороне от лагеря. А Невзгоде вдруг пришло в голову, будто не было дневального у костра: посреди ночи она приподнялась, но костер горел, а в памяти возникла фраза майора о том, что он будет дежурить первым, так что она без всякой тревоги уснула. А дальше было интереснее. Липкин объявил, что хватит мягкотелости, шутки кончились, пришла пора выворачивать карманы. К черту ложную гордость! А кто не согласен, тот подвергнется обструкции и будет выбираться из тайги в одиночку. Ага, подумала я, выдал мою идею за свою. «Выбор за вами, коллеги, – завис он над душой, угрожающе кляцнув затвором «Каштана». – Прошу предъявить личные вещи. Всё на землю – шифры, коды, яды, спутниковые телефоны!» – «И правильно!» – возбужденно воскликнул Усольцев, вздымая ствол. – Хватит корчить из себя неприкасаемых! Мешки наизнанку, одежду к осмотру! И бабы тоже».

Не у одной меня нервишки пошаливали. Ничего доброго мы, понятно, не нашли. Мужики обшаривали друг друга, я – Невзгоду, Невзгода – меня. Шерстили подкладки, сапоги, головные уборы. Вещевые мешки прощупывали несколько раз, отыскивая потайные карманы. С подозрением осматривали оружие – на чем и «отшутился» Турченко: дескать, в российском оружии и булавку не спрячешь, а вот во французском автомате «FAMAS» в районе курка имеется глубокий тайничок, о назначении которого никто не знает, но французские солдаты успешно прячут в нем сникерсы и презервативы.

– Ну вот, – невесело подвел итоги Липкин, – теперь мы твердо знаем, что от неизвестного яда не померем. И спутниковой игрушкой не побалуемся. Остается надеяться на спасательную группу.

Мы вспомнили, что время не ждет. До выхода в нужный квадрат совсем немного времени (по крайней мере, километров), но поджидает ли нас там голубой вертолет с волшебником – вопрос интересный. Майора похоронили на месте стоянки – прогретая за ночь земля легко поддавалась. Опыт имелся: на ту же процедуру с Блоховым ушло значительно больше времени. С ориентиром было труднее: ни скал, ни причудливых деревьев с характерными приметами в округе не нашлось. В итоге прибили на дереве между ветвей изнанкой наружу спальник Боголюбова и нестройной цепью, в гнусном молчании потянулись на север.

Начинался четвертый день блужданий по тайге.

* * *

Этот день стал самым трудным. На первом же километре заморосил дождь. Мы продолжали движение. Я шла последней – вернее, не шла, а волоклась, обнимая встречные сосны, замирая, переводя дыхание, с трудом отрываясь от шершавой коры, чтобы брести дальше. События плохо укладывались в голове, я пыталась моделировать варианты ответов на трудные вопросы, но быстро прекратила, поняв, что все ответы – в Библии, а жизнь – разгул стихии. Изнуренные спасатели тоже не рвались в спринтеры. Они сбивались в кучу, потом вытягивались цепью, но я всегда оказывалась в хвосте, и это положение меня вполне устраивало. Меньше всего хотелось, чтобы кто-то таранился мне в затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.